

Благодарности

После многих лет скептического наблюдения за тем, как авторы предаются самолюбованию в разделе «Благодарности», теперь я сам оказался в незавидном положении, выполняя эту задачу. Выражаю благодарность всем тем, кто помогал мне с этой книгой — с этим масштабным, но приносящим радость начинанием. За десять лет, что я работал над той или иной частью этой книги, я получил неоценимую помощь и поддержку от друзей, преподавателей, одноклассников, коллег и студентов.

Надеюсь, что теперь, когда книга уже близится к печати, не слишком опасно признать, что она начала свою жизнь как докторская диссертация, а одна из глав — как магистерская диссертация. Мои преподаватели и однокурсники в Ратгерском университете и Калифорнийском университете в Беркли даже слишком много слышали о содержании этой книги и моих трудностях с ней. Я особенно благодарен моим диссертационным советам: Джиму Ливингстону, Ллойд Гарднеру, Зиве Галили, Уоррену Кимбаллу и Дэвиду Фоглесонгу в Ратгерсе; а также Дайан Шейвер Клеменс, Дэвиду Холлингеру, Юрию Слезкину и Джорджу Бреслауэру в Беркли. Дайан Клеменс помогла создать дружественную и благоприятную среду для изучения дипломатической истории в Калифорнийском университете в Беркли. Я высоко оценил (и до сих пор ценю) мудрые наставления Дэвида Холлингера по интеллектуальным и профессиональным вопросам. Реджи Зелник и профессор Николай Рязановский, хотя официально и не входили в мой диссертационный совет, дали ценные советы вкупе с детальными комментариями, на которые ссылались многие поколения студентов. Спасибо Марджори Мерфи, моему научному руководителю, за то, что направила меня по этому пути.

Множество возможностей воспользоваться коллективной мудростью студентов и преподавателей в двух этих учебных заведениях предоставили читательские группы и семинары. Спасибо всем, кто высказал свои предложения и критические замечания в рамках этих мероприятий и не только, особенно Питеру Блитштейну, Розанне Каррарино, Эндрю Дэю, Максу Фридману, Нильсу Гилману, Биллу Литтманну, Д'Энн Пеннер, Чарльзу Ромни, Кристине Сквиот и Диане Селиг. Коллеги в Москве сделали мое пребывание в этом городе более продуктивным и приятным. Я особенно благодарен Виктору Кондрашину, Елене Осокиной и Нане Цихелашвили.

Официальные презентации дали возможность исправить ошибки и поучиться у собравшихся. В этой работе были использованы ответы на презентации Общества социальной истории (Social History Society), Тихоокеанского отделения Американской исторической ассоциации (Pacific Coast Branch of the American Historical Association), Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (American Association for the Advancement of Slavic Studies), Организации американских историков (Organization of American Historians), Йельской программы исследований международной безопасности (International Security Studies), Гарвардского центра Чарльза Уоррена (Harvard's Charles Warren Center) и семинара исторического факультета Университета Джонса Хопкинса. Исключительную ценность представляли комментарии Мэри Фернер, Дороти Росс и Джеймса Клоппенберга.

Так много ученых прочитали тот или иной раздел этой книги, что я, возможно, сократил ее будущую аудиторию. Мне бы хотелось особенно поблагодарить тех, кто смог прочесть ее всю за один раз. Мой диссертационный совет прошелся по 650 страницам с бесчисленными предложениями и улучшениями и, что удивительно, сохранил хорошее настроение. Замечания Брюса Куклика и покойного Ханса Роггера также помогли сформировать курс первоначальных изменений. Дэвид Фоглесонг представил особенно подробную рецензию — 25 страниц. Работая над окончательной версией, я воспользовался своевременными и полез-

ными комментариями Стэнли Энгермана, Тома Глисона, Эбена Миллера, Фрэнка Нинковича, Майкла Уилрича и анонимного читателя «Harvard University Press». Другие друзья и коллеги предложили ценные советы по отдельным частям рукописи; спасибо Майклу Адасу, Джейн Каменски и Дэвиду Макфаддену. Ученые также делились со мной неопубликованными эссе, а иногда и первоисточниками — это показывает, что исследования могут быть коллективным делом; спасибо Роберту Баннистеру, Эндрю Джеветту, Джуди Кутулас, Чарльзу Ромни и Джоан Шелли Рубин. Редакционный состав «Harvard University Press» был неизменно предупредителен и профессионален. Особая благодарность Аиде Дональд и Джеффу Кехо за то, что они начали этот проект в «Press», а также Кэтлин Макдермотт и Кристин Торстейнссон за то, что продолжили с того места, на котором те остановились. Особое спасибо Мортону Келлеру за то, что он первым направил меня в Гарвард.

Моя признательность, конечно, выходит за рамки интеллектуальных вопросов. Я благодарен за благотворительную поддержку Ратгерскому университету, Фонду Меллона (Mellon Foundation) (через исторический факультет Калифорнийского университета в Беркли), Министерству образования США и Мемориальному фонду Мабель Маклеод Льюис (Mabelle McLeod Lewis Memorial Fund). Семестровый отпуск, финансируемый гарвардским Центром Чарльза Уоррена (Charles Warren Center), предоставил мне возможность работать в библиотеке Вайднера и рядом с ней, в одном из чудес американского научного мира. Что еще более важно, группа ученых, собравшихся в Эмерсон-холле, создала замечательную и поддерживающую интеллектуальную среду. Я особенно благодарен Джиму Кэмпбеллу и Йоне Хансену за наши постоянные беседы. Фонд Мазера в Брандейсе (Mazer Fund) оказал поддержку в ходе окончательной подготовки рукописи.

Другие организации содействовали исследовательским поездкам: Институт продвинутой русистики Кеннана (Kennan Institute for Advanced Russian Studies), Президентские библиотеки Франклина Делано Рузвельта и Герберта Гувера (Franklin Delano Roosevelt, Herbert Hoover Presidential Libraries), Архивный центр

Рокфеллера (Rockefeller Archive Center), Фонд Патрика исторического факультета Беркли (Patrick Endowment) и Фонд Ханны Лидом Колледжа Суортмор (Swarthmore College's Hannah Leedom Fund). В этих поездках я пользовался необычайными знаниями и щедростью библиотекарей и архивистов, неизменно проявляющих доброту и готовых помочь. Я благодарен архивам, перечисленным в разделе «Источники», за разрешение цитировать материалы, хранящиеся в их коллекциях, и Американской исторической ассоциации за разрешение включить части статьи, которая впервые появилась в «American Historical Review». Особая благодарность за помощь Джуди Хеннеке (Отдел церковной истории, Первая Церковь Христа, исследователь), Тому Розенбауму (Архивный центр Рокфеллера) и Нэнси Вебстер (Чикагское историческое общество).

Этот документальный материал стал более содержательным благодаря возможности поговорить с людьми, которые были непосредственно знакомы с героями этой книги. Я благодарен Джорджу Фишеру, Еве Хиндус и Марку Перлману за то, что они поделились своими воспоминаниями. С Элизабет Крамп мы обсуждали ее отца (и другие темы) в течение многих лет после нашей первой встречи. Из беседы с Джорджем Фростом Кеннаном, которая была частью исследовательской работы для этой книги, были использованы цитаты, но также благодаря ей я сформировал часть своей аргументации.

Мои коллеги и студенты в Брандейском университете создали благоприятные условия для продолжения работы над рукописью. Я благодарен сотрудникам исторического факультета за их постоянную поддержку, особенно Дэвиду Хакетту Фишеру и Мортону Келлеру за то, что помогли увидеть долгосрочную перспективу, за успокаивающие советы Пола Янковского и Жаклин Джонс, а также за остроумие и мудрость Джейн Каменски и Майкла Уилрича. Исследовательская помощь Эбена Миллера была незаменима, когда работа уже близилась к концу.

Самые важные слова благодарности я приберег напоследок. Пол Сэйбин и Итан Поллок помогли этой книге преодолевать препятствия на протяжении большей части прошлого десятиле-

тия. Они прочитали текст столько раз, что теперь знают его лучше меня. Важные идеи появились в процессе наших поздних пятничных завтраков, которые теперь можно лишь оплакивать, а также во время встреч в кафе, посиделок и телефонных разговоров. И их дружба значит для меня гораздо больше.

К счастью для нее, но к несчастью для меня, Стефани Раттен видела только последний отрезок этого долгого пути. Она была избавлена от разногласий относительно самого текста, но поистине бесценно то, с каким терпением, поддержкой и гордостью она относилась к ее автору. Поэтому спасибо.

Наконец, я хотел бы поблагодарить свою семью. Одно из преимуществ преподавания в Бостоне для меня — возможность жить рядом с моими братьями Марком и Джеффом и их растущими семьями. Я с гордостью поставлю экземпляр этой книги на полку дома каждого из них. Особая благодарность моим родителям. Они не только поддерживали мое образование, но и были его основным источником. Эту книгу я посвящаю им.

Введение

С того берега

Период с 1870-го по 1940-й для России и СССР был годами беспорядочного и связанного с большими затратами пути к индустриализации. Наблюдая за трансформацией России, американские интеллектуалы пересмотрели некоторые из центральных концепций своего времени. Отвергая идею о том, что перед народами встает проблема изначально заложенных ограничений их будущего развития, они разработали разнообразные концепции национального характера, высоко оценивая индустриализацию как двигатель прогресса. Американские эксперты по России — дипломаты, журналисты и ученые, которые зарабатывали на жизнь тем, что интерпретировали события в России для американской аудитории, — сочли советскую индустриализацию настолько привлекательной, что поддерживали стремительную и в реальности губительную политику быстрой модернизации, которая разрушила жизни и уничтожила средства к существованию миллионов людей в России и Советском Союзе. Их вера в фундаментальные различия между культурами в сочетании с тем, какую ценность они придавали модернизации, породила энтузиазм в отношении социальных преобразований, при котором игнорировались связанные с ними человеческие жертвы.

Книга «Модернизация с того берега» показывает, как возникли эти новые идеи культурных различий и социальных изменений и как они легли в основу значительных перемен в интеллектуальной жизни XX века и международной политике. При этом автор

черпает вдохновение в мыслях А. И. Герцена, русского радикала середины XIX века. Самая известная работа Герцена «С того берега» (1850) содержит его размышления о революционном брожении 1848 года, которое он наблюдал, находясь в эмиграции в Западной Европе. Не одобряя призывы радикалов к тому, чтобы каждая нация пожертвовала своим настоящим ради утопического будущего, Герцен выразил видение социальных преобразований, которые принесут пользу каждому поколению, в том числе и нынешнему. В то же самое время его работы выражают решимость понять страны и народы через историю; он воспекает универсальное человеческое достоинство и одновременно признает широкое разнообразие национальных традиций [Герцен 1955]¹.

И те, и другие мысли Герцена оставались без внимания на его родине в течение века после их написания. Советские лидеры утверждали, что действуют на основе универсальных законов исторического развития, интерпретировав их таким образом, чтобы требовать нынешних жертв во имя будущих благ. Такое отношение привело к массовым разрушениям и дезорганизации в Советском Союзе, в том числе к катастрофическому голоду 1932–1933 годов. Этот голод был катаклизмом, но не природным. Власти изъяли из главных житниц СССР все продовольствие до последней крошки, утверждая, что это необходимо для обороны и быстрой индустриализации страны. В результате миллионы граждан, в первую очередь в самых производительных сельскохозяйственных регионах страны, умерли от голода. Американские наблюдатели проявили на удивление мало сочувствия к тем, кто пострадал во время голода. Беспечно рассуждая о недостаточном трудолюбии русских крестьян и их низком интеллекте, многие американские эксперты возлагали вину за нехватку продовольствия на врожденные склонности русских. Более того, они рассматривали эти жертвы как необходимый побочный эффект советских усилий по модернизации. Россия, заявляли они, «го-

¹ Общую информацию о Герцене см. в [Берлин 2017; Малиа 2010; Venturi 1960; Gleason 1980].

лодала сама по себе»². Промышленное величие было достойной целью, даже ценой больших человеческих жертв.

Американские писатели, конечно, сами были застрахованы от жертв, к которым призывали. Говоря словами Герцена, «жертвовать другими, иметь за них самоотвержение слишком легко, чтоб быть добродетелью» [Герцен 1955: 138]. Кто эти люди столь легкой добродетели? Как они могли одобрить такие дорогостоящие планы индустриализации? Что их поддержка раскрыла относительно американских идей модернизации? Как представления о культурных различиях сформировали их взгляды на модернизацию? Как они представляли себе путь к современному обществу?

В XX веке эти вопросы волновали весь мир. Очарованные модернизацией, американские интеллигенты одобряли радикальные формы социальных изменений повсюду, кроме Соединенных Штатов. Они поставили на вершину человеческих достижений общество, во многом похожее на то, каким они представляли себе свое собственное: индустриальное, урбанизированное, космополитическое, рациональное и демократическое. Отсталые страны, утверждали они, могут осуществить модернизацию только путем осуществления быстрых и насильственных изменений. Однако современная Америка была избавлена от подобных потрясений. С ростом глобальной роли Америки и укреплением связей интеллектуалов с центрами силы эти идеи сформировали нации по всему миру. Новые идеи социальных изменений и национального характера также легли в основу представлений об американской национальной идентичности, которая сама претерпела значительные изменения после 1870 года: от научного расизма и ассимиляционистской теории в период до Второй мировой войны к воспеванию общечеловеческих ценностей в 1950-х годах и повышению ценности культурных различий с 1980-х годов. То, как американцы понимали процесс социальных изменений, сформировало их понимание своей нации. В конце

² Эта фраза была использована до голода. См. письмо Брюса Хоппера Гамильтону Фишу Армстронгу от 18 января 1930 года (Hamilton Fish Armstrong Papers, box 35).

концов, эти противоречия между принятием культурных различий и содействием модернизации легли в основу американско-советского конфликта во время холодной войны. В то время как ученые анализировали этот конфликт как противостояние между двумя промышленными державами с противоположными идеологиями, американские дипломаты истолковывали врага времен холодной войны как изначально и безнадежно иную нацию. Эти концепции, поддерживаемые глобальным влиянием Америки, создали (и продолжают создавать) «американский век».

Американские труды о России и Советском Союзе были сформированы тремя силами, которые составляют три основные темы этой книги: это давняя вера в то, что каждая нация обладает своим уникальным характером; растущий энтузиазм в отношении модернизации; и появление новых профессиональных институтов и норм для понимания других стран. Во-первых, для объяснения событий в России и СССР американские эксперты использовали стереотипы о национальном характере. Основываясь на многовековых представлениях об особенностях русских, западные эксперты перечисляли черты, которые, предположительно, ограничивали способность русских функционировать в современном мире. Американцы вторили европейским комментаторам, утверждавшим, что русский национальный характер возник по географическим причинам: долгие зимы сделали русских пассивными, а бесконечные равнины вызывали у них уныние. Русские в этих трудах демонстрировали инстинктивное поведение, крайнюю пассивность и апатию, потрясаемую только насилием³. Американцы утверждали, что эти характеристики — подчеркнуто негативные — повлияли на экономические перспективы России. Эти представления о национальном характере использовались независимо от политических взглядов: явные враги и ярые сторонники России в Соединенных Штатах сходились во взглядах на то, в чем именно состоит отличие русских.

³ Из того, что следует далее, должно быть очевидно, что то, что я пишу о тех или иных стереотипах относительно национального характера, заключая или не заключая написанное в кавычки, не означает, что я их одобряю.

Еще Герцен проиллюстрировал, что эти черты можно толковать двояко. В 1850-х годах, проживая во Франции и Италии, он по-новому взглянул на русский характер. Он часто упоминал о «славянском духе» [Герцен 1956: 315], который отличал его соотечественников от европейцев, уделяя особое внимание душевной и общинной натуре русских. И все же он также считал само собой разумеющимся, что русские — особенно крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, — обладали «беззаботной и ленивой природой» и более «страдательной покорностью», чем политической или экономической активностью [Герцен 1956: 319]. Различие необязательно означало превосходство.

Представления американцев о русском характере часто содержали в себе идею о том, что русские являются азиатами — «азиатскими» на языке того времени. Это утверждение, касающееся как расовых, так и географических характеристик, еще сильнее оправдывало насилие в России. Согласно часто повторяемой мысли, жизнь для азиатов, а следовательно, и для русских, имеет меньшую ценность. Личные качества также имели политические последствия. Азиатами, как утверждалось, можно управлять только с помощью «восточного деспотизма». Писатели от барона Шарля де Монтескье до Карла Маркса изображали Азию как неизменяющееся — даже неизменное — болото нищеты, замкнутости и деспотизма⁴. Независимо от того, понимались ли русские как азиаты или славяне, относительно них всегда применялось утверждение, что они не готовы присоединиться к современному миру. Партикуляристские взгляды на Россию, в которых подчеркивались уникальные традиции и черты характера нации, доминировали в американских трудах вплоть до 1920-х годов.

В 1920-х эти партикуляристские доводы о национальном характере столкнулись со сложностями из-за набирающего популярность универсализма, который понимал все страны и народы как по сути схожие. Признавая национальные различия, универсалисты, как правило, утверждали, что модернизация

⁴ См. [Вульф 2003; Malia 1999; Lowe 1966; Wittfogel 1957].

сотрет различия, которые не затрагивают основы человеческой природы. Универсализм возник задолго до XX века; среди его наиболее видных сторонников был современник и враг Герцена Карл Маркс. Герцен и Маркс также расходились во мнениях в вопросах политики. В то время как Герцен относился с опаской к революционному пылу 1848 года, Маркс делал все возможное, чтобы его разжечь. Вместе с Фридрихом Энгельсом Маркс приветствовал «призрак коммунизма», который тогда «бродил по Европе» [Маркс, Энгельс 1955: 423]. Чтобы осуществить революцию, настаивали они, радикалы должны подчиняться железным законам исторического развития, не делая исключений для национальных особенностей или отдельных преимуществ. Согласно диктату истории, все нации будут развиваться по одному пути; таким образом, более развитая страна покажет отсталой «картину ее собственного будущего» [Маркс, Энгельс 1960: 9]. Американцы, как симпатизирующие Марксу, как и многие из тех, кто ненавидел его теории, все чаще ссылались на универсалистские идеи.

Во-вторых, в начале XX века это противоречие между универсальным развитием и различиями между странами было переосмыслено в результате изменения понимания прогресса. К 1920-м годам американские эксперты утверждали, что советская модернизация, даже с ее ошеломляющими человеческими и финансовыми затратами, стоила того. Американцы высоко оценили как методы, так и цели советской модели индустриализации, особенно за то, что, согласно заявлениям, она должна была планироваться рационально и централизованно. В рамках экономической модернизации они также использовали свои взгляды на русский характер. Национальный характер больше не определял судьбу страны; вместо этого он стал препятствием, которое нужно преодолеть на пути к модернизации.

Большевики неотступно придерживались этого видения модернистского промышленного общества. Американские эксперты по России, независимо от того, как они относились к большевистскому режиму, приняли или даже одобрили большевистское видение модернизации. Они также признавали (и часто восхва-

ляли) сопутствующую диалектику страданий, благодаря которой текущие трудности должны привести к будущему процветанию. На них повлияло то, что самый известный американский эксперт по России Джордж Фрост Кеннан назвал «романтикой экономического развития». Летом 1932 года, рассказывая о перспективах советской экономики, он обратил внимание на энтузиазм советских граждан в отношении индустриализации. Те, кто находится под влиянием романтики, особенно молодежь, «проигнорировали бы все другие вопросы в пользу экономического прогресса», — писал Кеннан⁵. Личные желания и даже личное благополучие считались вторичными по отношению к развитию.

Здесь американские взгляды наиболее резко расходились со взглядами Герцена, который трогательно провозгласил необходимость ценить нынешнее благосостояние выше будущих перспектив. Природа, писал он, «никогда не делает поколений средствами для достижения будущего» [Герцен 1955: 35]. Никто не должен играть роль Молоха, библейского божества, которому приносили в жертву детей. Как писал Герцен в известном отрывке:

Кто этот Молох, который, по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и, в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат: «Morituri te salutant» [«Осужденные на смерть приветствуют тебя»], только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле? Неужели и вы обрекаете современных людей на жалкую участь кариатид, поддерживающих террасу, на которой когда-нибудь другие будут танцевать... или на то, чтоб быть несчастными работниками, которые, по колено в грязи, тащат барку с таинственным руном и с смиренной надписью «Прогресс в будущем» на флаге? [Герцен 1955: 159].

Герцен сравнивал революционеров своего времени с языческими фанатиками. По словам Исайи Берлина, одного из самых проникательных толкователей Герцена, Герцен рассматривал

⁵ Кеннан Дж. Ф. Телеграмма министру от 19 августа 1932 года. SDDF 861.5017 Living Conditions/510.

«собираательные существительные» (такие как «нация», «равенство», «человечность» или «прогресс») как «просто современные версии древних религий, которые требовали человеческих жертвоприношений». Даже «*salus populi*» (благополучие народа) для Герцена не благо, а «пахнет жженым телом, кровью, инквизицией, [и] пыткой» [Герцен 1955: 140; Berlin 1956: XV]. Не меньше, чем сами большевики, продемонстрировали то, что предсказал в своих трудах Герцен, американцы с их энтузиазмом в отношении прогресса и промышленности в России — и с их готовностью принять большие человеческие потери.

В 1928 году с началом Первой пятилетки американская поддержка советской индустриализации, несмотря на ее человеческие жертвы, только усилилась. Даже до широкого признания факта Великой депрессии в Соединенных Штатах — но особенно после — понятие плановой экономики обладало огромной привлекательностью. Для поколения технократов, достигших совершеннолетия во время массовой экономической мобилизации Первой мировой войны, экономика, управляемая такими же техническими экспертами, как они сами, казалась единственным путем к эффективности и общественному благополучию [Jordan 1994; Alchon 1985]. Однако как бы эти эксперты ни восхищались советским планированием, они настаивали на том, чтобы Соединенные Штаты были избавлены от затрат советского развития. Советское планирование и индустриализация также были весьма популярны в самом Советском Союзе, даже среди тех, кто выступал против правления большевиков [Shearer 1996; Viola 1987]. Восхищение также было взаимным; русские отмечали американское промышленное мастерство, даже осуждая буржуазный капитализм⁶. Углубление депрессии в Соединенных Штатах только усилило ощущение того, что американцам есть чему поучиться у советской системы экономической организации. В травмах советской индустриализации многие американцы стали видеть надежду не только на советское будущее, но и на свое собственное. При этом они полностью осознавали связанные

⁶ См. [Rogger 1981; Hughes 1989, ch. 6; Brooks 1991].

с этим издержки, которые резко стали заметны во время голода 1932–1933 годов.

В-третьих, американское стремление учиться у Советского Союза усилилось благодаря профессионализации американских экспертов по России. Трансформируя институциональные формы, а также интеллектуальное содержание, профессионализация оказала различное влияние на дипломатию, журналистику и науку. Среди американских экспертов по России на место первых поколений любителей-авантюристов пришли новые профессионалы в каждой области. Это изменение очевидно на примере одного генеалогического древа. Самый плодовитый специалист по России в Америке XIX века Джордж Кеннан так и не окончил среднюю школу; цель его первой поездки в Россию заключалась в том, чтобы изучить маршрут телеграфной линии. Напротив, его внучатый племянник и тезка Джордж Фрост Кеннан, дипломат XX века, прошел обучение в Принстоне, Школе дипломатической службы и Берлинском университете, и только затем начал свою карьеру в качестве специалиста по России в Государственном департаменте. Журналисты-путешественники, такие как Кеннан-старший, сменились экспертами с университетским образованием и в конечном счете специалистами в области общественных наук и дипломатии⁷. Сложным образом профессионализация разделила специалистов на новые группы, каждая из которых применяла свои собственные традиции и правила для интерпретации России и СССР.

Хотя траектория развития европейских представлений о России кое-где согласуется, а где-то идет вразрез с историей американских взглядов, эта книга посвящена именно американской мысли. Распространенный в Америке дискурс о России и Советском Союзе отличался от тенденций в Западной Европе. В разгар Викторианской эпохи американские взгляды в большей степени, чем континентальные или британские того времени, придержи-

⁷ Основные работы по профессионализации в общественных науках: [Haskell 1977; Ross 1991]. В дипломатической службе: [Schulzinger 1975; De Santis 1979]. В журналистике: [Schudson 1978].

вались жесткого универсализма — идеи о том, что каждый человек или народ может совершенствоваться. Профессионализация общественных наук в Соединенных Штатах происходила с большей претензией на научную объективность, чем аналогичные события в Западной Европе. Наконец, отсутствие в Америке значительной лейбористской партии — что, как известно, отмечено в книге немецкого социолога Вернера Зомбарта «Почему в Соединенных Штатах нет социализма?» (1906) — придало американским представлениям о Советском Союзе отличный от европейских взглядов политический оттенок. В настоящей книге, описывающей отношение к модернизации в России только на одном из многих «тех берегов»⁸, эти сравнения остаются скорее скрытыми, чем явными.

Американские представления о преимущественно крестьянском населении России также основывались на идеях самих русских. Особенно в XIX веке, когда в Западной Европе получила развитие индустриализация и возник романтизм, образы крестьян стали играть важную роль в спорах о текущих условиях и будущей траектории развития России⁹. Славянофилы — консерваторы, которые подчеркивали отличия России от Запада, — прославляли крестьянство и самодержавие как сполпы русского государственного строя и воплощения русского характера. По их мнению, особые качества России и русского крестьянства заслуживали сохранения и защиты от западного материализма и индустриализма. И все же восхищались они на расстоя-

⁸ См. [Sombart 1976]. Работы, посвященные западноевропейским взглядам на современную Россию: [Malia 1999; Зашихин 1995; Graubard 1956; Paddock 1994; Burleigh 1988; Cooley 1971]. Вдохновляющие на размышления сравнения, написанные авторами за пределами Европы, приведены в [Anno 1999; Anno 2000; Вада 1999, глава 12]. Интересное сопоставление понятий культурных и экономических различий в пределах другой империи на границах Европы см. в [Makdisi 2002].

⁹ За основу этих абзацев взят материал из [Frierson 1993: 45, 159]. О народничестве см. также [Wortman 1967; Walicki 1989]. Тема растущей пропасти внутри российского общества исследуется в [Riasanovsky 1976] и в имевшей большой резонанс статье [Haimson 1964].

нии. На протяжении всего XIX века образованные русские описывали резкие контрасты между собой (*обществом*) и основной массой населения (*народом*). Со снисходительностью и сочувствием интеллектуалы рассматривали *народ* как ничем не примечательную массу простых людей, которым требовалась помощь *общества*, если они когда-нибудь надеялись избавиться от своих благородных страданий. Как выразился один из последователей народничества (группа радикальных сторонников идей славянофилов) в 1880 году, народник «любит *народ* не только потому, что он несчастлив... Он уважает народ как коллективное целое, представляющее собой высший уровень справедливости и человечности в наше время». Любовь к *народу*, какой бы глубокой и искренней она ни была, была направлена не на реальных людей, а на абстракцию.

Однако в течение двух десятилетий такие позитивные мнения оказались заглушены критическими. В последние десятилетия XIX века русская интеллигенция изображала крестьян дикими, беспомощными и неисправимыми — так как они не реагировали (и даже выражали неблагодарность) на все усилия *общества*. Опыт общения русской интеллигенции с крестьянством, пожалуй, лучше всего иллюстрируется усилиями народников по распространению образования и просвещения «среди народа» в 1874 году. *Народ* был настолько не вдохновлен действиями этих радикалов, что часто сообщал о них сотрудникам полиции. Однако последовавшее за этим разочарование в *народе* вряд ли коснулось только радикалов. В русском искусстве, литературе и театре конца XIX века крестьян уже не показывали хранителями сельской добродетели. Вместо этого изображаемая сельская местность оказалась населена кулаками — «крестьянскими кровопийцами», и бабами — вульгарными крестьянками, которые символизировали моральный упадок крестьянства. Крестьянам, которых ранее превозносили как абстрактный коллектив, жилось гораздо хуже (в сознании образованных русских) как реальным индивидам. Взгляды русских интеллектуалов на своих сельских соотечественников демонстрируют, что не требуется дальних географических расстояний, чтобы превратить объекты наблюдения в «других».

Хотя члены русского *общества* жили рядом с крестьянами, тем не менее они оставались за пределами жизни тех, кого описывали с таким презрением. Американские наблюдатели за Россией, не зная местных условий, обнаружили, что их подозрения о крестьянстве подтверждаются русскими писателями.

Недавним исследованиям по такому внешнему восприятию способствовала — и, что более проблематично, определила их направление — замечательная работа Эдварда Саида «Ориентализм». Саид документирует ряд предположений, которых придерживались европейские ученые, писатели и художники о «Востоке» и «восточных людях». Наряду с пронизательным прочтением Флобера и широкими обобщениями касательно французской и британской политики на Ближнем Востоке Саид предлагает убедительную критику европейских представлений о Востоке. Европейцы, пишет он, гомогенизировали жителей Востока и поместили их вне исторического времени. Но сам Саид уделяет минимум внимания различиям между изображениями Востока и тому, как они менялись с течением времени. Таким образом, по иронии судьбы, его критика гомогенизации и гипостазирования в равной степени применима к его собственному анализу ориенталистского дискурса. Тем не менее идеи Саида о восприятии как форме социальной власти — и их тесная связь с императивами государственного правления — применимы к американским взглядам на Россию¹⁰.

Название «Модернизация с того берега» отсылает к метафоре Герцена о далеких берегах, подчеркивая взгляд со стороны, на котором строил свою аргументацию Саид. Но эта метафора применима как во времени, так и в пространстве. «Дальний берег» олицетворял не только удаленность Герцена от России, но и тихую гавань, которой он достиг, когда утихли революционные бури 1848 года. Как и труд Герцена, эта книга также написана «с того берега» — только не после волнений 1848 года, а после десятилетия бури советской власти. Распад Советского Союза вносит как практические, так и интеллектуальные изменения в изучение

¹⁰ См. [Саид 2006; Слезкин 2008, эпилог; Adas 1993; Prakash 1995].

прошлого России и, следовательно, в деятельность тех, кто его интерпретирует. Открытие некогда закрытых архивов и желание понять советское прошлое без шор времен холодной войны привели к бурным дискуссиям. Некогда секретные советские документы заставили пересмотреть важнейшие события недавней истории. Дискуссии русских о прошлом своей страны тем более поразительны, что происходят они в тяжелом физическом и отчаянном финансовом положении.

Тот факт, что книга написана после окончания холодной войны, также дает возможность поразмыслить об американском энтузиазме по отношению к СССР в новом и менее враждебном политическом контексте. Возьмем один пример: более ранние историки обвиняли интеллектуалов в том, что они поддерживали Советский Союз в 1930-х годах из-за ложных левых взглядов или в целом из-за заблуждений левачества. И все же романтика экономического развития повлияла на американских наблюдателей по всему политическому спектру. Политические симпатии — то есть преданность или враждебность коммунистической партии — не могут полностью объяснить этот важный эпизод в американской интеллектуальной истории. Под впечатлением от грандиозных советских планов и под влиянием пренебрежительного отношения к отсталым русским многие американские интеллектуалы с энтузиазмом наблюдали за советскими усилиями по модернизации. И энтузиазм Запада по отношению к Советскому Союзу оказывал влияние еще долго после десятилетия депрессии. Это способствовало формированию маккартизма и началу холодной войны, когда поколение интеллектуалов с растущим презрением смотрело на свое собственное — и своих друзей — очарование Советами¹¹.

Чтобы восторгаться советской индустриализацией, не требовалось партийного билета — ни в Соединенных Штатах, ни

¹¹ Здесь важной отправной точкой все также остается [Lyons 1971]. См. также [Margulies 1968; Hollander 1981; O'Neill 1982]. Более лояльные авторы по-прежнему интерпретируют этот эпизод в первую очередь с политической точки зрения: [Pells 1973; Kutulas 1995]. Шире вопрос рассматривается в [Caute 1973].

в Советском Союзе. Многие русские, которые восхваляли быструю модернизацию, не были большевиками. Так называемые буржуазные эксперты в области сельского хозяйства, инженеры и экономисты в России — все они нашли причины поддерживать советские цели коллективизации и индустриализации. Другие русские ухватились за возможность превратить свою родину в современную великую, то есть индустриальную державу¹². Западные наблюдатели также оценили заявления большевиков о рационально организованном обществе под руководством таких специалистов, как они сами.

Подобный энтузиазм существовал и за пределами России. Джеймс Скотт в своей недавней обобщающей работе «Благими намерениями государства» проводит параллели между советской коллективизацией и другими проектами того, что он называет «авторитарным высоким модернизмом» [Скотт 2005]. Как показывает Скотт, идея создания нового типа общества, организованного вокруг производства и легко контролируемого, нашла сторонников по всему миру и по всему политическому спектру. Распад СССР и окончание холодной войны уже открыли новые возможности для изучения общих взглядов, лежащих в основе этих проектов в прошлом и в настоящем.

Широко распространенное восхищение всеобщим прогрессом все же допускает упоминания о региональных различиях. Например, недавние дискуссии об «азиатских ценностях» показывают, что до сих пор сохраняется напряжение между универсалистской и партикуляристской моделями развития. С 1980-х годов лидеры Малайзии и Сингапура защищали свою модель, представляющую собой сочетание индустриализации и политических репрессий, ссылаясь на особые азиатские ценности. Каждая нация, по их мнению, должна найти лучшие для себя социальные и политические механизмы; универсальных теорий или форм социальной организации не существует. С другой стороны, западные крити-

¹² Подробнее об инженерах см. в [Shearer 1996; Bailes 1978]. Подробнее об экономистах см. в [Kingston-Mann 1999]. Идеи о сельской России выражены в [Yaney 1982; Frierson 1993; Коцонис 2006; Lih 2001].

ки основывают свои аргументы на понятии прав человека — то есть на наборе прав, которые применяются повсеместно, выходя за рамки культуры или государственного управления¹³. Дискуссии об азиатских ценностях разрушают политические союзы среди американцев. Мультикультураллисты, как правило левые, видят, как их доводы в пользу культурного партикуляризма реализуются правыми диктатурами. Между тем универсалисты, которых часто обвиняют в очернении других наций и культур, встают на сторону угнетенного населения.

В постсоветскую эпоху ученые все так же спорят о взаимосвязи между русским характером и экономическим развитием страны. Распад Советского Союза, который мог бы разрушить систему универсалистских теорий человеческого поведения, вместо этого вызвал к жизни мощный универсализм, в котором все разновидности человечества известны только как *homo economicus*. Это очевидно из недавних дискуссий о российской экономической политике. Гордясь тем, что они победили «предубеждение о том, что “Россия отличается”», экономисты Максим Бойко, Роберт Вишни и Андрей Шлейфер прославляли свой собственный универсализм. «Русские люди, — проповедовали они в широко читаемой монографии, — как и все остальные люди в мире, были “экономическими людьми”, которые рационально реагировали на стимулы». Поэтому России не требовалась особая форма экономической организации, «чтобы компенсировать ее предполагаемые культурные особенности и недостатки» [Boyscko et al. 1995: 9–10]¹⁴. Эти экономисты выступали за немедленную организацию институтов свободного рынка, за создание капиталистической России одним «большим взрывом». Будучи в высшей степени уверенными в том, что экономические законы одинаково хорошо применимы повсеместно и во все периоды времени, они, по иронии судьбы, были наследниками универсализма Маркса.

¹³ См. [Kausikan 1998: 20; Mahbubani 1998; Yew 1992]. Важные проблемы затронуты в [Сен 2001; de Bary 1998].

¹⁴ См. также [Shiller et al. 1991: 399; Shiller et al. 1992: 179; Boyscko 1991: 42].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru